

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: НЮРНБЕРГСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Тищенко Е. В.

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

Урок Нюрнбергского процесса заключается не только в наказании за конкретные проявления нацизма, но и в создании универсального правового инструментария для борьбы с наиболее тяжкими преступлениями против человечества. Вместе с тем в XXI веке сами эти преступления приняли новые формы, порождая новые виды угроз международной безопасности и человечеству в целом. В настоящее время масштабную угрозу представляет систематическое разрушение среды обитания человека – окружающей среды.

Международный суд ООН признал, что ущерб окружающей среде может представлять собой «важный интерес» государства. Суд также подтвердил, что «окружающая среда – это не абстракция, а жизненное пространство, качество жизни и само здоровье людей, включая нерожденные поколения» [1]. Действительно, на протяжении всей истории человечества окружающая среда была безмолвной жертвой человеческих конфликтов. При этом ухудшение состояния окружающей среды и ее эксплуатация могут быть как следствием, так и причиной вооруженного конфликта.

В Демократической Республике Конго и на Гаити Программа ООН по окружающей среде пришла к выводу, что ущерб, нанесенный окружающей среде, стал основной причиной политических волнений и конфликтов. По оценкам, в 1990-х гг. в ходе вооруженных конфликтов, связанных с эксплуатацией природных ресурсов, погибло около 5 000 000 человек, а четверть из 50 активных вооруженных конфликтов в 2001 году были в значительной степени «мотивированы» добычей ресурсов [2, с. 563].

Ирано-иракская война, события в Кувейте в конце войны в Персидском заливе в 1991 году, а также конфликты в таких африканских странах, как Сьерра-Леоне, Демократическая Республика Конго и Либерия, – все это служит иллюстрацией того, как вооруженный конфликт, (частично) вызванный спорами из-за природных ресурсов, впоследствии может привести к значительному разрушению окружающей среды [3, с. 128]. В последних случаях конфликты разгорались не только из-за природных ресурсов, но и сами ресурсы (например, древесина и алмазы)

становились источником финансирования для противоборствующих сторон, которое использовалось для приобретения оружия.

МГП не умалчивает о вреде, наносимом окружающей среде во время вооруженных конфликтов. В частности, принципы, изложенные в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1977 г., запрещают методы и средства ведения войны, которые могут нанести или способны нанести «повсеместный, долгосрочный и серьезный» ущерб окружающей среде. На момент принятия Дополнительного протокола I 1977 г. эти положения считались важным шагом вперед в признании проблемы ущерба окружающей среде во время конфликтов. Аналогичная формулировка используется в ст. 55 (1) Дополнительного протокола I 1977 г. и статье I (1) Конвенции ЕМОД 1976 г.

В ст. 8 (2) (b) Римского статута, которая касается военных преступлений, в рамках международных вооруженных конфликтов содержатся экологические положения. Пункт (b) (iv) является ключевым, для квалификации по которому необходимо одновременное наличие трех условий: ущерб должен быть 1) широкомасштабным, 2) долгосрочным и 3) серьезным. Однако если ущерб будет отвечать всем этим признакам, он может не признаваться преступлением, если он не является «явно несоизмеримым» с военной необходимостью, что, на наш взгляд, оставляет широкий простор для интерпретации. В то же время существуют значительные пробелы в регулировании экологических преступлений в мирное время.

Масштабное уничтожение окружающей среды может подпадать под другие статьи Римского статута через оценочные признаки: как «другие бесчеловечные действия» (Преступления против человечности (ст. 7)) или «путем лишения средств к существованию» какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы (Геноцид. Ст. 6). Но в целом Римский статут на сегодняшний день предоставляет лишь ограниченные инструменты для привлечения к ответственности за самые тяжелые преступления против окружающей среды.

В этой связи возможно умышленное и масштабное уничтожение окружающей среды в мирное время (например, в результате действий корпораций) рассматривать через призму преступлений против человечности.

В 2021 году независимая группа экспертов по юридическому определению экоцида (IEPLDE) и группа экспертов Института по правам человека «Промис» (UCLA) возобновили дискуссию о расширении юрисдикции Международного уголовного суда (МУС) на наиболее тяжкие случаи ухудшения состояния окружающей среды [4]. При этом предлагается широкая международная криминализация «экоцида» именно через более активное использование и применение «зеленой» сферы применения ст. 21 (3) и 7 (1) Статута.

Идея признать масштабный экологический вред ППЧ – это прямое расширительное толкование и развитие нюрнбергской концепции. Можно

фиксировать анализ ситуаций в ходе его процесса, которые могли бы рассматриваться как экологические преступления периода Второй мировой войны (таких как применение тактики «выжженной земли»), однако не были включены в отдельные обвинения трибунала в Нюрнберге ввиду незавершенности правовой базы.

Устав Нюрнбергского трибунала и последующие Принципы международного права установили, что преступления против человечности – это деяния, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц. Это нападения, составляющие преступления против человечности, имеют такую степень тяжести, что объектом преступления становятся не только индивиды и их группы, но и сама концепция гуманизма как таковая [5]. Нацистский режим целенаправленно уничтожал человеческое достоинство через тотальную дегуманизацию – сведение людей к «унтерменшам», номерам, расходному материалу. Объектом атаки была сама моральная и биологическая целостность человеческих групп. В современном прочтении – заражение воздуха, воды, почвы в промышленных масштабах – это не побочный эффект, а форма нападения на основы жизни целых регионов. Это атака не просто на физические тела, а на фундаментальные условия, делающие человеческую жизнь вообще возможной и достойной. Как правило, преступления против окружающей среды обладают и широкомасштабностью (и по количеству жертв, продолжительности, географическому охвату), и систематичностью (последовательные, повторяющиеся действия, которые являются следствием корпоративной или государственной политики). Также сознательное причинение сильных страданий или серьезного вреда физическому/психическому здоровью, возможная утрата средств к существованию и культурной идентичности полностью охватывают такую характеристику, как «другие бесчеловечные деяния». В данном контексте Нюрнбергский принцип VI дает нам правовую рамку для квалификации таких действий, как преступления высшего порядка. Он позволяет признать масштабный экологический вред преступлением против человечности как акт превентивной защиты, направленный на то, чтобы поставить заслон на пути тех, кто своей деятельностью ставит под угрозу жизнь человечества.

Также данный принцип позволяет применить механизм индивидуальной уголовной ответственности к лицам, принимающим ключевые решения в корпоративном и государственном секторе, и заложить основу для превентивного воздействия на транснациональную деятельность, несущую глобальные экологические риски. В данном аспекте расширительное толкование встречает определенные правовые сложности. Статья 30 Статута устанавливает общий стандарт субъективного элемента преступлений, предусмотренных Статутом, который применяется во всех случаях, когда рассматриваемое материальное положение не регламентирует преступный умысел (*mens rea*). Единственная прямая ссылка на ущерб окружающей среде в Статуте –

ст. 8 (2) (b) (iv) – требует стандарта прямого умысла и «знания причинно-следственной связи». Таким образом, чтобы выполнить бремя доказывания, Прокурор МУС обязан доказать, что обвиняемый, осознавая контекст и имея умысел на совершение *actus reus*, понимал, что нападение повлечет за собой «явно чрезмерный» экологический ущерб. Хеллер и Лоуренс критикуют стандарт вины, закрепленный в ст. 8(2)(b)(iv) Римского статута, называя его практически невыполнимым: крайне сложно доказать, что обвиняемый заранее осознавал несоразмерность последствий своих действий. Чтобы исправить это концептуальное ограничение, IEPLDE предложил элемент «знания», который требует только «существенной вероятности» ущерба окружающей среде. А современные науки (эпидемиология, токсикология и т. д.) позволяют с высокой долей вероятности устанавливать причинно-следственные связи для масштабных инцидентов.

В заключение следует отметить, что без правового прорыва, совершенного Нюрнбергскими принципами, сама идея привлечения к уголовной ответственности за экоцид оставалась бы лишь философской концепцией. Принципы предоставляет для этой идеи конкретный и испытанный историей юридический механизм.

Список цитированных источников

1. Global perspective Human stories. – URL: <https://news.un.org/en/> (date of access: 15.12.2025).
2. Le Billon, Ph. The political ecology of war: natural resources and armed conflicts / Ph. Le Billon. – Oxford : Oxford University Press, 2021.
3. Peterson, I. The natural environment in times of armed conflict: a concern for international war crimes law? / I. Peterson // Leiden Journal of International Law. – 2009. – Vol. 22, No. 2. – P. 342.
4. Ecocide before the international criminal court: simplicity is better than an elaborate embellishment. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368664228_Ecocide_Before_the_International_Criminal_Court_Simplicity_is_Better_Than_an_Elaborate_Embellishment (date of access: 15.12.2025).
5. Международный трибунал по бывшей Югославии. Устав. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 11.11.2025).